

ЛИТЕРАТУРА

Благовецкий В.В. Растительность Приволжской возвышенности. Ульяновск, 2005. 715 с.

Природные условия Куйбышевской области. Куйбышев, 1990. 464 с.

Семенова-Тян-Шанская А.М., Сочава В.Б. Хвойно-широколиственные леса. // Растительный покров СССР. 1956. Т.1. С. 346–364.

Ступишин А.В. Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. Казань, 1964. 305 с.

Сукачев В.Н. Руководство к исследованию типов лесов. М, 1931. 150 с.

Федеральная служба лесного хозяйства России Российский государственный проектно-изыскательский институт «РОСГИПРОЛЕС» Саратовский филиал. Рабочий проект противопожарного устройства лесов Узюковского лесничества Ново-Буянского лесхоза Самарского управления лесами. Том III, книга I, пояснительная записка. Саратов, 1996 г.

О ТРАДИЦИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ СОЗДАНИЯ ЛЕГЕНД К МЕЛКОМАСШТАБНЫМ КАРТАМ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

Сафронова И. Н.

Ботанический институт им. В. Л. Комарова, г. Санкт-Петербург, Россия.
IraSafronova@yandex.ru

Главная задача мелкомасштабных карт растительности – отражение основных закономерностей ее пространственного распределения. На картах наглядно обозначаются зональные рубежи на равнинах и выявляются особенности вертикальной поясности в горах. Современные карты дают представление не только о разнообразии растительности, но через ее многомерное разделение – о природной среде. Это достигается путем создания легенд карт, отражающих как совокупность признаков растительности (показателей состава, структуры, динамики), так и ее экологические и географические связи (Сочава, 1979; Исаченко, 1962; Грибова, 1972; Ильина, 1976; Белов и др., 1990; Грибова, Нейхейсл, 1996; Ильина, Юрковская, 1999; Юрковская, Ильина, Сафронова, 2002).

Хорошо известно, что именно через легенду выражается концепция карты. Традиционным для Санкт-Петербургской картографической школы является использование регионально-типологического принципа при построении легенды (Сочава, 1954, 1962, 1972). Его суть состоит в сочетании типологических единиц и географических критериев. Выделение типологических единиц основывается на классификации растительности. Однако, многочисленные классификационные схемы, создаваемые для

различных целей, не всегда можно использовать при построении легенд геоботанических карт. Переход от классификации к легенде представляет собой элемент научной генерализации, ибо между классификационными схемами и легендами геоботанических карт нет полной аналогии (Грибова, Исаченко, 1972). Во-первых, в легендах, используются единицы разных систем растительного покрова (и фитоценоотические, и территориальные), во-вторых, отбираются только те из них, которые возможно изобразить в заданном масштабе; поэтому различные категории растительности могут быть неодинакового синтаксономического уровня. Таким образом, легенды не только устанавливают иерархические связи, но выявляют экологические, динамические и географические соотношения подразделений растительности.

Часто в процессе создания карт разрабатываются свои классификационные схемы, в которых растительные сообщества систематизируются с использованием большого количества признаков, отражающих типологию, структуру, динамику растительности, ее эколого-географические связи. При трансформировании классификационных схем в легенду обеспечивается отражение на карте и закономерностей пространственного размещения растительных сообществ как сложной функциональной системы, и географических особенностей растительного потенциала картируемой территории.

Легенды к картам строятся на основе иерархической структуры подзаголовков. При использовании регионально-типологического принципа в качестве наиболее высоких подразделений легенды выступают типы растительности и зональные категории растительного покрова. Им подчинены крупные типологические категории разного синтаксономического ранга (формации, субформации). Низшей картируемой единицей легенды являются фитоценомеры, т. е. таксономические единицы однородного растительного покрова (ассоциации, группы и классы ассоциаций). На мелкомасштабных картах находят отражение те ассоциации и группы ассоциаций, которые имеют ландшафтное значение и определяются особенностями того или иного типа растительности. Информационная емкость карт увеличивается с использованием фитоценохор (территориальных единиц, таких как комплексы, серии, сочетания, эколого-динамические ряды), отражающих неоднородную пространственную структуру растительного покрова. В легенды включается лишь часть территориальных единиц, наиболее распространенных и имеющих заметное ландшафтное значение (Гербих и др., 1970).

Еще в первой трети прошлого века было обращено внимание на то, что не только плакорные, но и неплакорные экотопы несут зональные черты, которые проявляются в структуре растительных сообществ, в рит-

мике их развития и других чертах, не всегда «лежащих на поверхности», (Ларин, 1927). Отражение эдафических вариантов способствует выявлению региональных особенностей, экологического потенциала территории, уточнению зональных и подзональных рубежей и значительно увеличивает информативность карт. Долгое время они выделялись лишь картографическими знаками. Однако в последние десятилетия появились мелкомасштабные карты, на которых они выделяются особыми подразделениями в текстовой части легенды, предшествуя низшей картографической единице (Ладыгина, Рачковская, Сафронова, 1995а,б; и др.).

Для горных территорий, где важно отразить системы высотно-поясного расчленения, на мелкомасштабных картах используются такие единицы, как пояс растительности и тип поясности (Огуреева, 1999а, б).

Номера в легендах располагаются по степени усложнения содержания – от более простого, характеризующего однородный покров, к комбинациям таксономических единиц.

С конца 70-х годов легенды на картах представляются в двух формах: текстовой и табличной. Текстовая форма легенды отображает состав доминантных и дифференциальных видов, структуру растительного покрова (степень однородности – неоднородности), его динамическое состояние. В табличной форме легенды картируемые подразделения группируются по их экологии и географическому распространению, связям с ландшафтами и другими компонентами природы.

Важно использование и некоторых картографических приемов: красок, штриховок, дополнительных знаков разного цвета.

ЛИТЕРАТУРА

Белов А.В., Грибова С.А., Карамышева З.В., Котова Т.В. (ред.) Растительность СССР: карта для высших учебных заведений. М 1 : 4 000 000. М., 1990. На 4 л.

Гербих А.А., Грибова С.А., Исаченко Т.И., Карпенко А.С., Лавренко Е.М., Липатова В.В., Юрковская Т.К. Карта растительности СССР м. 1 : 2 500 000 (принципы, методы, состояния работы по Европейской части страны) // Бот. журн. 1970. Т. 55. № 11. С. 1634–1643.

Грибова С.А. Опыт составления мелкомасштабной карты растительности тундры и лесотундры (на примере северо-востока Русской равнины) // Геоботаническое картографирование 1972. М.; Л.: Наука, 1972. С. 38–50.

Грибова С.А., Исаченко Т.И. Картирование растительности в съемочных масштабах // Полевая геоботаника. Л.: Наука, 1972. С. 137–324.

Грибова С. А., Нейхейсл Р.Р. (ред.) Карта восстановленной растительности Центральной и Восточной Европы. М 1 : 2 500 000. 1996. СПб – Винница, 1996. На 6 л.

Ильина И.С. (ред.) Карта растительности Западно-Сибирской равнины. М 1 : 1 500 000. М., 1976. На 4 л.

Ильин И.С., Юрковская Т.К. Фитоэкологическое картографирование и его актуальные проблемы // Бот. журн. 1999. Т. 84. № 12. С. 1–7.

Исаченко Т.И. Принципы и методы генерализации геоботанических карт крупного, среднего и мелкого масштаба // Принципы и методы геоботанического картографирования. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 28–46.

Ладыгина Г.М., Рачковская Е.И., Сафронова И.Н. (ред.) Карта растительности Казахстана и Средней Азии в (пределах пустынной области). М 1 : 2 500 000. М., 1995а. На 3 л.

Ладыгина Г.М., Рачковская Е.И., Сафронова И.Н. (ред.) Растительность Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной обл). Пояснительный текст и легенда к карте. СПб., 1995б. 130 с.

Ларин И.В. Растительные зоны средней части Уральской губернии // Журн. Русского бот. общ. при АН СССР. М., Л.: Главнаука. 1927. Т. 12. № 1–2. С. 5–14.

Огурева Г.Н. (ред.) Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий: карта для высших учебных заведений. М 1 : 8 000 000. М., 1999а. На 2 л.

Огурева Г.Н. (ред.) Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий. М 1 : 8 000 000. Пояснительный текст и легенда к карте М., 1999б. 64 с.

Сочава В.Б. Принципы и задачи геоботанической картографии // Вопросы ботаники. М., Л.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 1. С. 259–272.

Сочава В.Б. Вопросы картографирования в геоботанике // Принципы и методы геоботанического картографирования. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 5–27.

Сочава В.Б. Классификация растительности как иерархия динамических систем // Геоботаническое картографирование 1972. М.; Л.: Наука, 1972. С. 3–18.

Сочава В.Б. Растительный покров на тематических картах. Новосибирск: Наука, 1979. 190 с.

Юрковская Т.К., Ильина И.С., Сафронова И.Н. Макроструктура растительного покрова России: анализ карты // Геоботаническое картографирование 2001–2002. СПб., 2002. С. 3–15.

СИНТАКСОНОМИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СООБЩЕСТВ *ALNUS FRUTICOSA* СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПОЛЯРНОГО УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. Б. ПАЙПУДЫН)

Секретарева Н. А.

Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Кустарниковые сообщества ольховника (*Alnus fruticosa*) на Полярном Урале достаточно широко представлены на горных склонах преимущественно южных и западных экспозиций. Вместе с ерником (*Betula nana*) он образует подгольцовый пояс на высотах от 150 до 350 м над. ур. м. Изучение сообществ ольховника проводилось нами на 4 профилях заложен-